

Откровение Чжу Цзылина окончательно сбило Вэн Цзэ с толку.

— Ванфэй... что вы имеете в виду? — он недоверчиво уставился на юношу. — Неужели вы и впрямь считаете, что быть муж-супругой — это благо? Неужели вы с самого начала только и грезили о том, чтобы выйти замуж?

«Старший сын министра, дицзы благородного дома — и столь ничтожные устремления? Неужто ему совсем не стыдно позорить свою семью?!»

Вэн Цзэ на миг решил, что многолетнее давление госпожи Ху окончательно сломило волю Чжу Цзылина, превратив его в бесхребетное существо. Однако ответ юноши заставил его глаза округлиться от изумления.

— Ну, не совсем так, — миролюбиво пояснил Цзылин. — Просто с кем-то другим этот фокус бы не прошёл.

Вэн Цзэ лишился дара речи.

«С кем-то другим не вышло бы... Значит, ему нужен был именно Ли-ван?!»

«То есть он сам хотел выйти замуж за это чудовище?!»

«Он что, совсем лишился рассудка?!»

Собеседник больше не мог скрывать своего пренебрежения. Он нахмурился и холодно процедил:

— К чему этот самообман, ванфэй? Я-то полагал, что мы с вами товарищи по несчастью и можем поговорить по душам. Если не желаете со мной откровенничать — воля ваша, но зачем же строить из себя довольного жизнью дурачка?

— А, так вы заметили, что я не желаю с вами общаться? — невозмутимо отозвался Чжу Цзылин.

Сначала госпожа Ху пыталась вбить клин между ним и Жун Чжао, теперь вот явился этот Вэн Цзэ. Играл тот, конечно, куда убедительнее мачехи, но Цзылин всё равно отчётливо ощущал его истинные эмоции.

Если отбросить попытки спровоцировать недовольство, гость пришёл лишь за одним —

почувствовать собственное превосходство. И как только в голову муж-супруги какого-то захудалого отпрыска хоу пришла мысль, что он может свысока смотреть на супруга принца крови?

Чжу Цзылин подивился наглости тех, кто так настойчиво пытался вызвать у него ненависть к Жун Чжао. Столько хитроумных планов, столько стараний — и такие бездарные исполнители.

Вэн Цзэ поперхнулся от столь прямого ответа. Видя, что ванфэй начеку и на провокации не поддаётся, он лишь гневно дёрнул плечом и поспешил удалиться.

После того как очередная волна любопытствующих схлынула, вокруг юноши наконец воцарилась тишина.

Использование способности против госпожи Ху изрядно вымотало его, но зато в желудке снова освободилось место. Он с новыми силами сосредоточился на дегустации изысков Пира сотни цветов.

— ...Таосу здесь весьма недурны, — раздался рядом нерешительный, но мелодичный голос.

Цзылин вздрогнул и обернулся. Перед ним стоял изящный молодой человек лет двадцати. Он был одет скромно, черты его лица казались тонкими и одухотворенными, хотя в глубине глаз притаилась тень печали. Незнакомец явно смущался под взглядом ванфэйя, но всё же заставил себя вежливо улыбнуться.

— Правда? Что ж, сейчас попробую, — ответил Чжу Цзылин. Он не почувствовал от этого юноши ни капли злобы. К тому же лицо его казалось смутно знакомым, а раз речь зашла о еде, он сменил гнев на милость.

Заметив его дружелюбие, незнакомец заметно расслабился. Улыбка его стала теплее, а голос — увереннее:

— Это ореховое печенье, кажется, сначала обжарили, но оно совсем не жирное. Корочка хрустящая, а внутри оно нежное и в меру сладкое. Я перепробовал почти всё за этим столом, и это, пожалуй, лучшее. Уверен, ванфэйю понравится.

Чжу Цзылин откусил кусочек. И впрямь — превосходно. Его глаза радостно блеснули.

— Очень вкусно! Благодарю за совет.

Юноша поклонился:

— Ванфэй слишком добр. Даже не подсказки я вам, вы бы и сами наверняка оценили их вкус.

Расправившись с парой печений, Цзылин внимательно посмотрел на собеседника.

— Я вспомнил. Вы ведь Вэнь Цы, верно?

Тот замер от неожиданности.

— Не думал, что ванфэй до сих пор помнит меня.

— У меня неплохая память, — бросил Цзылин.

Благодаря его способности он и вовсе обладал почти безупречной памятью на лица.

Вэнь Цы был его соучеником. Когда-то, ещё в детстве, они вместе посещали одну школу.

В ту пору Чжу Цзылин только начал обучение, а его отец ещё не занимал столь высокого поста и не мог позволить себе приглашать в дом именитых наставников. Поэтому Чжу Цзылина и Чжу Цзычжэня отправили в одну из известных столичных школ. Там учились дети многих чиновников среднего ранга, и Вэнь Цы был одним из них.

Вэнь Цы был на пару лет старше, но занятия у них часто проходили вместе. Хотя они не были близки и почти не разговаривали, виделись они часто. Поэтому, несмотря на долгие годы разлуки, ванфэй узнал его.

На самом деле Цзылин проучился там недолго. Цзычжэнь постоянно пытался сколотить против него компанию, задирали и подначивали других ребят. А когда старший брат стал показывать блестящие результаты в учёбе, младший, снedaемый завистью, и вовсе обвинил его в обмане на экзаменах.

Разразился скандал. Госпожа Ху, явившаяся «улаживать дело», даже не дала учителю провести расследование. Она сразу же заклеила пасынка лжецом. Юношу признали виновным в мошенничестве.

С того дня Чжу Цзычжэнь получил полное право открыто издеваться над ним, а остальные ученики либо презирали его, либо обходили стороной. Позже младший брат подстроил ещё несколько гадостей, и Цзылину пришлось навсегда покинуть школу.

Отец тогда был вне себя от ярости. Чжу Жуйхун считал, что сын опозорил его доброе имя, и даже не пожелал выслушать оправданий. Цзылина сурово наказали — он провёл три дня на коленях в храме предков, получая лишь чашку жидкой каши по вечерам. После этого министр Чжу запретил ему возвращаться к учёбе. Лишь годы спустя, когда он нанял наставников для второго сына, Цзылину позволили присутствовать на уроках — впрочем, и эту возможность госпожа Ху вскоре свела на нет.

Возвращаясь к школьным годам — положение Цзылина тогда было отчаянным. Почти никто из соучеников не проявлял к нему сочувствия; холодное безразличие уже считалось милостью. Вэнь Цы же был одним из немногих, кто относился к нему по-доброму и даже пытался защитить, когда другие устраивали жестокие розыгрыши.

Но семья Вэнь не обладала влиянием, да и сам юноша был натурой робкой, так что его заступничество мало что меняло. После ухода Цзылина из школы они больше не встречались. И вот — новая встреча при столь странных обстоятельствах.

Вэнь Цы, судя по всему, не стремился привлекать к себе внимание. Он держался в тени, и ванфэй не замечал его до этого момента.

— Как же вышло, что вас выдали замуж? — с любопытством спросил Чжу Цзылин.

Насколько он помнил, Вэнь Цы был единственным законным сыном. По всем законам логики его не могли сделать муж-супругой.

— Это долгая история... — юноша горько усмехнулся. — Мои родители скончались несколько лет назад. Главой семьи стал мой дядя...

Цзылин понимал без слов. Лишившись опоры, наследник рода оказался во власти корыстного родственника, который не только прибрал к рукам имущество, но и поспешил избавиться от законного владельца, выдав его замуж.

В отличие от Чжу Цзылина, по лицу Вэнь Цы было видно, что замужество тяготит его. Тень печали не покидала его чела.

Цзылин на мгновение замялся. Их судьбы казались похожими, но сам он считал, что вытянул счастливый билет. Любые слова утешения сейчас прозвучали бы фальшиво — сытый голодного не разумеет.

Вэнь Цы, впрочем, и не ждал сочувствия. Он не хотел беречь старые раны и лишь нерешительно спросил:

— Ванфэй... неужели вам и впрямь нравится жизнь в поместье князя Ли?

Этот вопрос уже задавал Вэн Цзэ, но на этот раз Чжу Цзылин не стал ерничать. Помня о былой доброте соученика, он ответил со всей серьезностью:

— Мне действительно здесь хорошо. Каждый день проходит в праздности, мне не нужно ни о чём заботиться. Стоит мне чего-то захотеть — и ванфэй исполняет мою просьбу. А те, кто раньше мечтал втоптать меня в грязь, теперь вынуждены склонять предо мной голову.

В прошлом он стремился к знаниям вовсе не ради власти. Его манила не карьера, а свобода от гнёта семьи Чжу.

Когда в той жизни Жун Чжао помог ему достичь этой цели, Цзылин оставил мечты о чиновничестве и решил заняться торговлей. Теперь же, когда у него было вдоволь еды и питья, он и вовсе обленился. Зачем строить торговые караваны, если можно поручить всё Жун Чжао и просто наслаждаться плодами его трудов? Это ли не счастье?

Вэнь Цы слушал его с долей недоумения. В словах собеседника была логика: тот стал ванфэй, а такого титула редко достигают даже самые успешные чиновники. С этой точки зрения сделка была выгодной. Но всё же...

— Вам... вам не страшно находиться рядом с Жун Чжао? — понизив голос, спросил Вэнь Цы. Его взгляд был полон сочувствия. — Неужели он не гневается, когда вы чего-то требуете?

— Да нет, всё в порядке, — пожал плечами Цзылин. — Даже если он немного хмурится, в конце концов всё равно соглашается. На самом деле у него вполне сносный характер. Главное — убедить себя, что бояться нечего, и тогда страх уйдёт.

Вэнь Цы: «...»

Юноша смотрел на Чжу Цзылина со всё нарастающим сложным чувством. Он был почти уверен: ванфэй без памяти влюблён в Ли-вана, раз ослеп до такой степени.

Он вздохнул и произнес:

— Я так не могу. Я боюсь даже рот открыть в его присутствии, не то что просить о чём-то. Мне кажется, само моё существование раздражает его. Всякий раз, когда мы оказываемся в одной комнате, я чувствую себя вражеским лазутчиком на допросе.

Цзылин удивился:

— И за кого же вас выдали? — неужели на свете есть кто-то пострашнее его супруга?

— Мой супруг — генерал Фуюань, командующий столичным гарнизоном Хо Сюаньчжао, — Вэнь Цы грустно улыбнулся. — На самом деле он и не знал об этой свадьбе. Старейшины его рода заключили помолвку, пока он был в походе. Ему пришлось подчиниться. Думаю, он в ярости от этого брака, поэтому и смотреть на меня не желает.

Командующий столичным гарнизоном Хо Сюаньчжао? Чжу Цзылин замер.

Это же тот самый человек, который в будущем поможет Жун Чжао захватить трон!

В его прошлой жизни воцарение Ли-вана было обставлено весьма эффектно. Цзылин не знал всех деталей, но в общих чертах историю знала вся столица.

Император Юнсюань внезапно слёг, не успев назначить наследника. Цзинь-ван и Юй-ван тут же вцепились друг другу в глотки.

Юй-ван, опираясь на влияние левого канцлера и помощь императрицы Цзян, попытался подделать указ о престолонаследии. Жун Ян, прознав об этом, немедленно использовал подчинённых маркиза Вэйюаня среди заместителей командующего императорской гвардией и устроил дворцовый переворот, намереваясь покарать «предателей» и самому занять трон.

Но в разгар триумфа Цзинь-вана в город ворвался Хо Сюаньчжао во главе двадцатитысячной армии столичного гарнизона. Несколько тысяч гвардейцев не смогли оказать сопротивления. Вскоре оба принца оказались под стражей, а их сторонники, включая левого канцлера и маркиза Вэйюаня, были арестованы.

Генерал Хо объявил, что действует во имя порядка: оба претендента запятнали себя изменой и заслуживают смерти. Единственным достойным кандидатом на трон остался Жун Чжао.

Хотя был ещё пятый принц, достигший совершеннолетия, и знать не слишком жаловала Ли-вана, против двадцати тысяч воинов в городе и стотысячной армии князя на северо-западе аргументов не нашлось.

Те немногие смельчаки, что пытались кричать о перевороте и требовали освободить принцев, либо пали на месте, либо отправились в темницу вслед за своими господами. Остальные быстро поняли, что небо над Великой Ци сменило цвет, и возражать не решились.

Даже когда император Юнсюань был ещё жив, Жун Чжао железной рукой взял власть и взошёл на престол.

Стало быть, Хо Сюаньчжао и его армия стали тем самым ключом, что открыл Ли-вану двери дворца. После коронации Хо стал самым приближенным советником нового императора и получил небывалые почести.

Командующий гарнизоном по закону должен подчиняться только императору. Учитывая неприязнь Юнсюаня к Жун Чжао, он никогда бы не назначил на этот пост человека, близкого к нему. Стало быть, внешне они не были связаны ничем.

Но раз генерал решился ввести войска в город по первому зову князя, когда старый император ещё дышал — значит, их союз окреп задолго до того дня. Возможно, они в сговоре уже сейчас.

«Что ж, этот Хо Сюаньчжао — человек незаурядного ума и редкой отваги»

Только вот Цзылин и не подозревал, что супругом этого грозного воина стал его тихий школьный приятель Вэнь Цы.

Чжу Цзылин попытался воскресить в памяти слухи о муже генерала Хо, но не вспомнил почти ничего. Он помнил лишь, что после воцарения Жун Чжао многие пытались выдать за Хо своих дочерей, гадая, когда же он разведётся со своей муж-супругой.

Но сватовство ни к чему не привело, а развод так и не состоялся.

Позже люди стали говорить, что Хо Сюаньчжао пошёл в своего господина и тоже «взирает на красавиц как на сухие кости». Сплетни поутихли, а о его супруге и вовсе перестали упоминать. Тот стал настоящим человеком-невидимкой.

Но это значило одно: Вэнь Цы прожил долгую жизнь, не был брошен и не попал в беду.

Цзылин посмотрел на печального юношу и уверенно произнес:

— Не печальтесь. Этого человека ждёт блестящее будущее. Выкиньте всё из головы. Пусть хмурится сколько влезет — считайте, что у вас дома стоит статуя сурового Будды. Когда он добьётся успеха, вам тоже перепадут почести. Просто живите в своё удовольствие.

Вэнь Цы опешил. Командующий гарнизоном — это уже третий ранг. Хо Сюаньчжао ещё нет тридцати, и он не из знатного рода. Куда уж большего успеха желать? Разве что совершить великий подвиг на границе...

Он решил, что собеседник просто пытается его утешить, и грустно ответил:

— Даже если его ждёт небывалый взлёт, мне от этого пользы не будет. Судя по тому, как он ко мне относится, он при первой же возможности даст мне разводное письмо.

— Впрочем, так даже лучше, — добавил он тише. — Я получу свободу, мне не придётся возвращаться к дяде. Буду жить сам по себе.

Всё-таки муж-супруга — мужчина, и после развода ему живётся куда проще, чем женщине.

Чжу Цзылин со значением покачал головой:

— Он не даст вам развода. Говорят, у него тот же недуг, что и у князя.

— А? — Вэнь Цы не сразу понял, о каком «недуге» идёт речь, а Цзылин продолжал:

— В общем, пока он идёт в гору, не стесняйтесь требовать самого лучшего. Еда, одежда — берите всё.

— А если он и впрямь решит с вами расстаться — требуйте щедрого возмещения за потраченные годы. С деньгами жить куда веселее.

Вэнь Цы слушал его, совершенно ошеломлённый.

На самом деле, если Жун Чжао уже прибрал Хо Сюаньчжао к рукам, Цзылин мог бы попросить князя вразумить своего подчинённого в делах семейных. Конечно, Жун Чжао наверняка разозлится от такой просьбы, но в итоге, скорее всего, поможет.

Но Чжу Цзылин решил не вмешиваться. Чужая семья — потёмки. Хо Сюаньчжао женился по принуждению, но он не бьёт супруга, не морит голодом. Просить Жун Чжао указывать генералу, как смотреть на свою жену... Это выглядело бы нелепо.

К тому же, хоть Вэнь Цы и был ему симпатичен, их детское знакомство не стоило таких усилий.

Но дать добрый совет Цзылин был готов.

— Хо Сюаньчжао на вас только смотрит косо или и впрямь руку поднимал? — спросил он.

Вэнь Цы покачал головой:

— Мы видимся раз в несколько дней. Нет, он никогда меня не бил.

Но от одного его взгляда Вэнь Цы казалось, что расправа неизбежна. Каждый раз он дрожал от страха.

Говорили, что Ли-ван ещё страшнее — одного его взгляда достаточно, чтобы попрощаться с жизнью. Как Чжу Цзылину удаётся сохранять такое спокойствие?

— Раз не бьёт — значит, просто напускает на себя важность, — наставительно произнес Цзылин. — Послушайте моего совета: раз руки не распускает, на лицо его внимания не обращайтесь. Ешьте досыта, пейте всласть. Выбирайте всё самое лучшее, а если не дают — идите и требуйте у него лично.

— Вы его законный супруг. С какой стати он должен вам отказывать?

— Пусть себе злится, вам-то что? Главное — получить желаемое. Если он только и может, что хмуриться — пусть хоть до небес своим гневом достанет, вам до этого дела нет. Главное, чтобы

серебро было в кошельке, а еда — на столе.

Вэнь Цы поначалу слова эти показались безумием, но, слушая уверенную речь ванфэя, он понемногу начал проникаться этой странной логикой.

За разговором Чжу Цзылин успел приговорить целую гору печенья. Попробовав все сладости на этом празднике, он обернулся к Вэнь Цы:

— Скоро полдень. Мне пора возвращаться в поместье. Прощайте.

Вэнь Цы удивился:

— Ванфэй уже уходит? Праздник ведь продлится до заката.

— Мне нужно успеть к обеду с князем. Опоздаю — будет нехорошо.

Вэнь Цы: «...»

«Неужели в вас ещё что-то влезет?!»

Когда Чжу Цзылин собрался уходить, принцесса Аньпин снова почувствовала себя оскорблённой. Она уже открыла рот, чтобы бросить очередную колкость, но юноша даже не удостоил её взглядом. Он бросил пару слов на прощание и стремительно направился к выходу. Помня о его титуле, никто не посмел его остановить.

Лицо принцессы Аньпин исказилось от ярости так, что слой пудры едва не осыпался.

Время поджимало. Чжу Цзылин велел кучеру гнать быстрее. К моменту, когда карета въехала во двор поместья Ли, съеденные сладости уже успели немного уложиться. Едва переступив порог, он спросил:

— Князь ещё не обедал?

Слуги, уже привыкшие к его аппетиту, ответили:

— Нет, Его Высочество, кажется, ждёт вас.

Цзылин с облегчением выдохнул и отправился на поиски Жун Чжао. Тот окинул его бесстрастным взглядом и холодно произнёс:

— Сейчас у меня нет аппетита. Подавайте через полчаса.

— А? — Чжу Цзылин замер. — Вы не голодны?

Голос Жун Чжао был сух:

— Нет.

— Но ведь с завтрака прошло почти шесть часов, — замялся Цзылин. — Может, всё-таки поедим сейчас?

Из-за его поездки завтракали они раньше обычного. Жун Чжао и так ел как птичка, он наверняка проголодался.

Князь на мгновение замолчал, взглянул на него, но тут же отвёл глаза.

— Ванфэй может идти.

Видя его непреклонность, Чжу Цзылин удивился, но настаивать не стал.

В конце концов, он и сам был ещё довольно сыт. Пообедать через полчаса будет даже лучше — тогда он сможет в полной мере насладиться трапезой, а не запихивать в себя еду через силу.

Стоило юноше выйти, как из тени в другом конце комнаты выступил аньвэй. Жун Чжао негромко приказал:

— Еще раз, в подробностях. Расскажи всё, что сегодня произошло с ванфэем.

Тёмный страж на мгновение замялся, но, переборов неловкость, начал свой доклад.

Принцесса Аньпин была любимицей императора, но титул её был невелик. Для аньвэй Ли-вана проникнуть в её поместье не составило труда. Всё, что происходило на празднике, было у них как на ладони. Доклады двух стражей, сведённые воедино, не упустили ни единого слова.

Сначала страж поведал о придирках принцессы Аньпин и о том, как госпожа Ху пыталась оклеветать пасынка, желая вызвать у того неприязнь к супругу. Лицо Жун Чжао стало ледяным.

— Но потом госпожу Ху словно безумие охватило — она выложила всю правду. Вместо того чтобы опозорить ванфэй, она уничтожила собственную репутацию и тут же лишилась чувств, — добавил аньвэй не без тени злорадства в голосе.

Но взгляд Жун Чжао оставался колючим.

— Исполосовать лицо? — эхом отозвался он. Голос его звучал тихо, но в нём явственно ощущался холод.

Значит, госпожа Ху осмелилась строить такие планы? Что ж, похоже, прежде он был к ней слишком милостив.

Аньвэй почувствовал, как тяжёлая, давящая аура князя заполняет комнату, и невольно затаил дыхание.

К счастью, Жун Чжао быстро взял себя в руки.

— Продолжай.

Однако дальнейший рассказ давался стражу с трудом. Он запинаясь, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

— Ванфэй сказал... что о такой жизни он мечтал все эти годы...

— И... и что у вас вполне сносный характер...

— А когда Вэн Цзэ спросил его, неужели ему нравится быть муж-супругой и он с самого начала хотел замуж, ванфэй ответил...

Аньвэй низко склонил голову и глухо закончил:

— Ванфэй сказал: «С кем-то другим не вышло бы».

Жун Чжао: «...»

<http://bllate.org/book/15829/1436239>